

- Офицер Мондэйл, те двое учителей пришли, - сказал один из полицейских Хикклина.

- Так быстро?

- На самом деле... многие учителя сейчас стоят у церкви.

- Пусть заходят.

Пришли двое учителей, мужчина и женщина. Мужчина был классным руководителем четвёртого класса, женщина - пятого. Орвицка принял их в малом актовом зале. Рядом, кроме Далиана, сидел и избитый до неузнаваемости директор.

- Вы видели медсестёр и врачей? - спросил Орвицка.

Оба кивнули. Женщина-учитель сказала:

- Я даже поговорила с ними...

- Угу, - кивнул Орвицка и, указав на директора, добавил: - А увидев его, я думаю, вы уже поняли, какая сейчас ситуация. За смерть тех троих учеников вы все будете нести ответственность.

Женщина-учитель всхлипнула, но, шмыгнув носом, сдержала слёзы.

- Шерос Табин - ученик вашего класса?

Мужчина-учитель, который молча слушал разговор женщины и Орвицки, на мгновение растерялся. Орвицка спрашивал не о погибших учениках:

- А, он... да, он.

- Что вы можете о нём сказать? Пожалуйста, не преувеличивайте, скажите честно. Насколько вам известно, с кем он был близок?

- Простите, я не знаю. Шерос - очень замкнутый ребёнок. Он любит рисовать и читать, часто сидит один в саду с этюдником. С ним общаются в основном дети с похожим характером, они вместе читают, вместе рисуют.

- ...Кто именно с ним вместе читал и рисовал? - Орвицка был удивлён. Как человек, который не мог даже понять простой вопрос, мог быть классным руководителем?

- Это всё старшеклассники...

- Итак, имена.

- Тондни Кисия... - учитель-мужчина торопливо начал называть имена учеников, выпалив сразу более десятка. Он всё ещё напряжённо думал, видимо, пытаясь назвать всех, кого он знал, кто общался с Шеросом.

- Кто чаще всего с ним общался? Назовите имена в порядке убывания, насколько вам известно.

Учитель-мужчина облегчённо вздохнул и снова начал называть имена.

На этот раз в его списке первые пять имён совпали с тремя из списка подозреваемых, который

дали ему слуги: Том Лекси, Нейт Шаретт, Моррей Ноккинс.

- После того как Шерос Табин начал часто "болеть", эти ученики всё ещё тесно с ним общались?

- Это... я не знаю, - покачал головой учитель-мужчина. - На самом деле, мы редко вмешиваемся в личные дела детей.

- Хорошо, не нужно объяснять. Насколько вам известно, кто-нибудь из этих троих учеников интересовался медициной, растениями, химией или фармацевтикой?

- Моррей Ноккинс! - ответили они в один голос.

- Э-э... но он хороший ребёнок, очень умный и любознательный. Он просто устроил себе химическую лабораторию, - сказала женщина-учитель.

- Преступники - это те слуги, которые работают на кухне. Наверняка они завидуют этим хорошим детям! Особенно инородцы!

- Замолчите! Химическая лаборатория? - Орвицка встал и посмотрел на Надевею у двери. - Вы её обыскивали?

- ... - Надевей, покраснев, ответил: - Я не знаю.

Орвицка снова посмотрел на учителей:

- Правда лежит на поверхности, вы все её знаете, но молчите, верно?

- Мы просто отвечаем на ваши вопросы, - вежливо улыбнулся тот самый непонятливый учитель. Женщина-учитель плотно сжала губы.

Это было не такое уж и сложное дело. Установили, что это отравление - ищем источник яда. Массовое отравление, но у учеников не было общего источника пищи и воды - значит, рассматриваем несколько источников. Начинаем с одного, самого очевидного - столовой, там же и единственное место, где были найдены погибшие.

Слуги, работающие в столовой, заняты работой, и, не зная о готовящемся отравлении, не могли пристально следить за одним местом, поэтому не могли точно назвать преступника, а лишь очертили примерный круг подозреваемых - это было правдоподобно.

Но это было не первое отравление. Первая жертва была известна, и её травили неоднократно, значит, преступник - тот, кто долгое время тесно с ней общался.

Предположим, что преступник в обоих случаях - один и тот же человек. Даже если потом окажется, что мы ошиблись, то настоящий преступник наверняка тесно связан с тем, кого мы сейчас нашли.

Это дело, как и многие другие, было сложным не из-за самого преступления, а из-за людей.

Когда Орвицка только приехал, он думал, что все здесь служат ученикам. Возможно, когда-то, при основании школы, так и было. Но сейчас взрослые в этой школе, из-за жадности к благам или деньгам, давно превратились в пиявок, сосущих кровь из этих детей.

Дети, и погибшие, и выжившие, не были идеальными, у них были и плохие, и даже жестокие

черты, но это не означало, что они заслуживали такой смерти.

- Мы идём в химическую лабораторию. Позовите наставников по быту из четвёртого "А", пятого "Б" и шестого "А".

По дороге в Художественное крыло (да, химическая лаборатория относилась к Художественному крылу, или, скорее, к кружкам по интересам), Надевей объяснил Орвицке, что они проводили в учебных корпусах "неразрушающий" обыск. Ведь ученики, скорее всего, должны были вернуться на занятия. К тому же, всё имущество здесь принадлежало Церкви Белдона, и никто не стал бы ничего ломать.

Однако этот так называемый "неразрушающий" обыск сводился лишь к тому, чтобы посмотреть и понюхать. Некоторые предметы, которые выглядели дорогими и хрупкими, например, произведения искусства или лабораторное оборудование, полицейские при обыске даже боялись подходить близко. А различное оборудование для химических экспериментов стоило очень дорого.

Поэтому Надевей и ответил "не знаю". Обыск, конечно, был, но... возможно, и не было разницы.

Лаборатория находилась в классе на третьем этаже. Открыв дверь, можно было увидеть, что на стеклянной посуде уже скопился слой пыли. Орвицка остановил Надевею. Далиан вошёл один.

Орвицка, на самом деле, тоже беспокоился, что едкие химикаты могут повредить нос Далиана, но, похоже, всё было в порядке. Он подошёл к большому стеклянному шкафу у стены, достал оттуда стеклянные бутылки и начал открывать их одну за другой. В первом шкафу ничего не нашли. Во втором, когда Далиан достал бутылку из тёмного стекла, он кивнул Орвицке:

- Это всё - раствор белладонны.

Затем он достал из-под другого шкафа мешок из мешковины с надписью "Хлопок". Он вытащил хлопок сверху, а под ним оказались сухие и хрупкие растения - белладонна.

- Ребёнок? Почему? - Надевей смотрел на эти вещи и задавал вопросы, не оспаривая, а просто не понимая. Шаг за шагом он тоже убедился в правде. - Это... поведение Мердока я ещё могу понять, но он... какая ему от этого выгода? Его семья не враждует с другими детьми, тем более со всеми семьями в школе.

- Нельзя утверждать, что преступник - он. Это открытая лаборатория, сюда многие могли приходить. Нам нужно будет допросить его лично.

- Да. Конечно, - слова Орвицки успокоили Надевею. Очевидно, он надеялся, что здесь есть какая-то тайна. - Прежде чем отправиться в дом Ноккинсов, я думаю, вам следует обобщить всё, что вы узнали, и сообщить родителям других учеников. По крайней мере... родителям троих погибших. Иначе, если мы одни отправимся в дом Ноккинсов, мы, возможно, даже не увидим этого ученика.

- Вы правы... Тогда до завтрашнего утра? Вы можете...

- У меня ещё есть дела. Те наставники, а также медсёстры и врачи извне, наверное, уже пришли. Кроме того, я хотел бы встретиться с тем уволенным врачом, я помню, его зовут Тодд?

- Большое спасибо, господа, - серьёзно поклонился Надевей.

Надевей временно ушёл, чтобы систематизировать находки за последние несколько часов.

Он оставил Орвицке помощника – того самого заместителя начальника, который вначале был так разговорчив. Когда началось расследование, он стал гораздо молчаливее. Теперь, когда его попросили помочь Орвицке, он вёл себя очень послушно.

Орвицка первым делом встретился с той группой медсестёр и врачей извне, а также с уволенным врачом.

- Мы ничего не знаем.

- Зачем нас вызвали среди ночи?!

- Что мы можем знать? Нас тогда даже в школе не было!

- Вы даже не хикклинец! Какое вы имеете право вмешиваться в наши дела?

Они пришли, но их отношение было довольно враждебным. Не успев задать вопрос, они начали протестовать.

- Я понимаю ваши чувства! – громко сказал Орвицка. – Но если вы будете здесь кричать, вы всё равно не вернётесь домой! Пожалуйста, успокойтесь и сначала выслушайте меня!

- ... – шум постепенно утих. Они смотрели на Орвицку с настороженностью и неприязнью.

- Дежурившие медсёстры и врачи обязательно будут наказаны, а те, кто был снаружи, разумеется, к этому не причастны. Их места можете занять вы, в худшем случае – станете из обычных сотрудников опытными ветеранами. Так вы думаете, верно? – спросил Орвицка. Некоторые из них гордо и самодовольно задрали головы, видимо, так они и думали. – Тогда, к сожалению, я должен вам сообщить, что вы ошибаетесь. Вы! Вместе со своими коллегами! Будете наказаны!

- Ложь! - Невозможно! - За что нас наказывать за то, чего мы не делали?

- Потому что вы тоже знали! Это было отравление! Ученики уже давно были отравлены! Вы тоже знали, но молчали! Вы тоже смотрели, как преступник совершает своё злодеяние! И в итоге произошла трагедия!

- ... – наступила тишина на несколько секунд.

- Бум! – разразился взрыв протестов.

- Не понимаю, о чём ты говоришь! - Уберите этого дурака! - Лжец!

- Пожалуйста, отправьте их к их коллегам, – кивнул Орвицка заместителю начальника. – Им нужно обменяться информацией.

Эти вернувшиеся извне люди всё ещё пребывали в сладких грёзах. Орвицка и не надеялся получить от них какую-либо информацию. Лучше дать им несколько часов, чтобы остыть.

Шумная толпа была уведена. Теперь предстоял разговор с доктором Тоддом наедине.

Тодд был врачом средних лет. Он носил очки в чёрной оправе, был невысок, без шляпы. Манжеты его пиджака были изношены до дыр, очевидно, его жизнь в последнее время была

нелёгкой. Он был очень напряжён, и когда встал, на его лбу выступили капли пота, блестящие на свету.

Пожимая руку Орвицке, он начал говорить без умолку:

- Здравствуйте, господин офицер. Простите, я не очень хорошо разбираюсь в ваших званиях. Вы пришли по поводу детей, верно? Когда меня уволили, я пошёл в полицейский участок Хикклина, но там полицейский, который меня принял, назвал меня сумасшедшим. Э-э... нет, пожалуйста, не поймите меня неправильно, я не жалуясь. Я знаю, что у полицейских очень тяжёлая работа, и тогда ещё ничего не произошло. А потом... потом я узнал о той трагедии...

Продолжая держать руку Орвицки, доктор Тодд замер.

Орвицка уже собирался ему напомнить, но тот, поджав губы, отпустил его руку, нагнулся, взял свой портфель и достал оттуда несколько папок.

- Отравление в тот день было самым серьёзным, но далеко не первым. Первой известной мне жертвой был Шерос Табин. Его сейчас нет в школе, он дома. Свет его храни, если бы этот ребёнок был в школе, число погибших, возможно, увеличилось бы на одного. Я с ним разговаривал наедине. Я... хоть это и нехорошо так говорить, но я подозреваю, что отравитель - его хороший друг, Моррей Ноккинс. Конечно, если вы спросите других о господине Ноккинсе, большинство скажет вам, что это умный, вежливый и дружелюбный юный джентльмен. Он не похож на тех старшекласников с их странными идеями, его хобби - химия и растения, он любит заботиться о младших, часто организует в школе кружки чтения и рисовальные салоны. Но каждый раз, когда Табин чувствовал себя плохо, это происходило после того, как он ел еду, принесённую Ноккинсом, или ел вместе с ним. Я спрашивал его, не ел ли он горькую еду во время еды, он сказал, что да. Иногда это был кофе, иногда - пудинг, а иногда - торт, который имел лёгкую горчинку, но в основном был сладким. Ноккинс даже говорил, что у Табина проблемы со вкусом, потому что другие, евшие вместе с ними, горечи не чувствовали, поэтому Табин и сам в это поверил. К тому же, каждый раз после этого он "простужался", поэтому он думал, что еда горчила из-за того, что он уже был простужен и у него нарушился вкус. Позже всё больше учеников "простужалось", я с ними разговаривал, и большинство из них тоже были из того же кружка, что и Ноккинс. Это истории болезни Табина и нескольких других учеников, а также записи моих с ними бесед. Позже меня уволили, и я не знаю, совпадают ли истории болезни в школе с моими. Я также не знаю, признаются ли те дети, что это записи моих с ними бесед.

Тодд быстро всё рассказал, глубоко вздохнул и с напряжением, серьёзностью и беспокойством передал записи Орвицке.

- Это вам поможет, господин офицер?

- Очень поможет, доктор Тодд, - Орвицка обеими руками принял документы. - Вы показали мне красоту человеческой души. Пожалуйста, передайте это начальнику Надевею. Это поможет ему при составлении отчёта, у него будет больше доказательств.

Такая похвала заставила Тодда покраснеть, он был немного растерян. Он смотрел, как Орвицка передаёт папку другому пожилому офицеру, его взгляд был немного грустным.

- Доктор Тодд, я хотел бы спросить, где вы сейчас работаете?

- Я, э-э, я сейчас не работаю, - Тодд взъерошил свои немного жирные волосы и смущённо улыбнулся.

- А вы не думали уехать из Хикклина и найти хорошую работу в другом месте?

- Я не знаю никого за пределами Хикклина, и у меня нет денег...

- Какая у вас была здесь зарплата?

- От 4 до 8 золотых гербов в неделю. Поскольку работа была посменной, зарплата менялась в зависимости от отработанных часов.

- А если я предложу вам 12 золотых гербов в неделю за работу врачом в приюте, как вам такое?

- да, Орвицка хотел его переманить. Это был врач с высокой моралью, и раз его наняли в эту элитную частную школу, значит, его медицинские навыки были проверены. Такого нужно было переманивать прямо сейчас. - Я клянусь вам, это не тот приют, где наживаются на сиротах. Мы также предоставляем жильё и питание, но, возможно, не будет такой посменной работы, как здесь. И иногда вам придётся лечить детей не из приюта, но в таких случаях мы будем платить дополнительные премии. Если вы почувствуете, что я вас обманул, или вам не понравится там работать, вы можете уйти в любой момент. И ещё, я могу устроить вам стажировку в больнице Святого Андреса.

Услышав о зарплате в 12 золотых гербов, глаза Тодда загорелись, а когда он услышал о стажировке в Святом Андресе, он тут же кивнул:

- Я согласен! Я... мне нужно поехать с женой, она - отличная детская медсестра.

Глаза Орвицки засияли ещё ярче, чем у Тодда. Он схватил его за руку:

- Не знаете ли вы каких-нибудь медиков, разделяющих ваши взгляды? Мы ведём постоянный набор! Кстати, сегодня днём вам, скорее всего, придётся поехать с нами. Мы найдём вам место, где вы сможете немного вздремнуть.

- Спасибо! Большое спасибо!

Получив от Тодда материалы, начальник Надевей с максимальной скоростью доработал свой отчёт - он писал, а другие полицейские рядом делали копии.

На следующий день, в четыре с небольшим, многие влиятельные лица, включая семьи троих погибших, получили отчёт.

В шесть тридцать несколько господ прибыли в школу-пансион Кортак. Возглавлял их отец юного Доминика, младший брат председателя районного совета Хикклина - Бефорт Доминик.

Ему было пятьдесят шесть лет, под глазами залегли тёмные круги, глаза были налиты кровью, а губы потрескались. Потерять единственного сына в таком возрасте - можно представить, каково ему было.

- Я прочёл каждое слово в вашем отчёте. Я слышал, вы сегодня собираетесь в дом Ноккинсов?

- Да.

- Мы с братом - старые друзья господина Ноккинса. Я потерял своего сына и знаю, какая это боль. Я не хочу, чтобы мой старый друг потерял своего внука. Но! - глаза Бефорта стали острыми, как у ястреба. - Убийца моего сына должен понести наказание. Поэтому сегодня я поеду с вами и... - он посмотрел на Далиана и Орвицку, - с вами. Будьте уверены, в

большинстве случаев я буду молчать. Я просто хочу быть свидетелем.

Он сказал это, и остальные дали такие же заверения, включая двух господ, также потерявших своих сыновей.

Все были готовы и отправились в дом Ноккинсов.

Впереди ехала красная полицейская карета, за ней – чёрные кареты с гербами разных семей. Такая процессия, движущаяся по улицам, представляла собой впечатляющее зрелище.

У ворот поместья Ноккинсов их уже ждали отец и дед Моррея Ноккинса. Очевидно, кто-то заранее уведомил эту пару.

Оба господина были худыми и интеллигентными, но старый Ноккинс был бледен, а его сын – румян.

Выйдя из кареты, начальник Надевей отдал честь и отошёл в сторону. Группа джентльменов начала обмениваться приветствиями и разговаривать. Что касается представителей Рыбьего Хвоста, то им оставалось лишь служить фоном.

Хотя господин Доминик и обещал не вмешиваться в расследование, таков был порядок, определяемый статусом.

Закончив разговор, старый Ноккинс, опираясь на трость, медленно подошёл к начальнику Надевею. Его сын шёл следом, прижимая руку ко лбу.

- Общеизвестно, что я – единственный сын, начальник Надевей. Но у меня много братьев, и они сейчас стоят за моей спиной. Мой сын, как и я, единственный, но у него сотни братьев-хикклинцев, которые учатся в Кортаке. И вы считаете, что мой внук, член семьи Ноккинс, мог совершить такое, как отравление своих братьев?

Утро было холодным, но начальник Надевей вспотел. Те самые влиятельные господа, которые утром были на их стороне, теперь, казалось, поддерживали семью Ноккинс.

А те джентльмены, что обещали молчать, теперь действительно молчали. Они просто стояли за спиной старого Ноккинса и смотрели на начальника Надевею.

- Я... – Надевей открыл рот, но горло пересохло, и он с трудом мог говорить.

Старый Ноккинс посмотрел на него пару секунд, сделал небольшой шаг в сторону, затем вперёд... Надевей тут же уступил дорогу, пропуская двух господ Ноккинсов. И вот, старый Ноккинс оказался прямо перед Далианом и Орвицкой. Он даже не взглянул на Далиана, а посмотрел прямо на Орвицку:

- Это вы считаете моего сына виновным?

- Это улики указывают на то, что ваш сын является главным подозреваемым, – сказал Орвицка, посмотрев на того, кто стоял за спиной старого Ноккинса. – Господин Ноккинс, я заметил, что вы несколько раз тёрли лоб. У вас болит голова? Кроме того, вы не чувствуете жажду, сухость кожи? У вас нет красной сыпи? Или не шла кровь из носа?

Господин Ноккинс скривился от отвращения. У него были красивые глаза, зрачки были больше обычного, что делало его взгляд влажным и выразительным:

- Я просто немного простудился, спасибо за беспокойство, офицер Мондэйл.

- Эти симптомы появились у вас после возвращения вашего сына? Вы не простудились, вы отравлены, господин Ноккинс, - улыбнулся Орвицка. Неужели этот тип думал, что он ему льстит?

<http://bllate.org/book/17916/1715915>